

Жалоба на нарушение права на свободу выражения судопроизводством по гражданско-правовому иску ЮЛ о защите репутации:

Источник публикации:

1. Постановление ЕСПЧ от 08.10.2015 «Дело «Харламов (Kharlamov) против Российской Федерации» (жалоба N 27447/07) // «Российская хроника Европейского Суда», 2016, N 2(38)

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

**ДЕЛО "ХАРЛАМОВ (KHARLAMOV) ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" <1>
(Жалоба N 27447/07)**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ <2>

(Страсбург, 8 октября 2015 г.)

<1> Перевод с английского Д.Г. Николаева.

<2> Настоящее Постановление вступило в силу 8 февраля 2016 г. в соответствии с положениями [пункта 2 статьи 44](#) Конвенции (примеч. редактора).

По делу "Харламов против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), рассматривая дело Палатой в составе:

Андраша Шайо, Председателя Палаты,

Элизабет Штайнер,

Ханлара Гаджиева,

Паулу Пинту де Альбукерке,

Линос-Александра Сисилианоса,

Эрика Месе,

Дмитрия Дедова, судей,

а также при участии Андре Вампаша, заместителя Секретаря Секции Суда,

заседая за закрытыми дверями 15 сентября 2015 г.,

вынес следующее Постановление в последнюю указанную дату <3>:

<3> Так в тексте (примеч. редактора).

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой N 27447/07, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со [статьей 34](#) Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданином Российской Федерации Владимиром Федоровичем Харламовым (далее - заявитель) 7 мая 2007 г.

2. Интересы заявителя в Европейском Суде представлял В. Сучков, адвокат, практикующий в г. Орле. Власти Российской Федерации были представлены

Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека Г.О. Матюшкиным.

3. Заявитель жаловался на нарушение его права на свободу выражения мнения.

4. 12 сентября 2012 г. Европейский Суд коммуницировал жалобу властям Российской Федерации.

ФАКТЫ

5. Заявитель родился в 1948 году и проживает в г. Орле. В период, относящийся к обстоятельствам дела, заявитель, кандидат физико-математических наук, являлся штатным преподавателем кафедры физики Орловского государственного технического университета.

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Приказом от 14 декабря 2006 г. N 383 ректор Орловского государственного технического университета (далее - Орловский университет) назначил проведение общеуниверситетского собрания для выборов членов ученого совета университета, его постоянного руководящего органа. Собрание было назначено на 26 декабря 2006 г. Согласно положению о составе ученого совета Орловского университета кандидаты в совет должны были выдвигаться на собраниях в структурных подразделениях простым большинством голосов (статья 3 положения от 12 декабря 2006 г.).

7. Неудовлетворенный тем фактом, что ни с ним, ни с его коллегами по кафедре физики не были проведены консультации, и они не были уведомлены о голосовании и обсуждении кандидатов в ученый совет, заявитель взял слово на указанном выше общественном собрании и сказал следующее:

"...избранный ученый совет не может считаться легитимным органом, и его решения также не могут быть признаны легитимными. Все они могут быть оспорены в судах. Проблема заключается в том, что сотрудники или структурные подразделения ничего не знали о кандидатах в ученый совет или их академических достижениях, никто не выдвигал этих кандидатов. Сейчас происходит какая-то частная вечеринка, некие люди собрались и избрали сами себя. Мои права были нарушены: я как сотрудник факультета был исключен из процедуры, которая имеет огромное значение как для меня, так и для университета в целом, - выборов ученого совета. Мои права были нарушены, и я буду жаловаться в суды по поводу нарушения моих прав. Права рядовых сотрудников университета, преподавателей были также нарушены: они были лишены участия в выборах в ученый совет, это дискриминация. Любая дискриминация - это форма войны, вы объявили войну людям, и рано или поздно вы получите итоги этой войны в той или иной мере, в своих семьях".

8. Орловский университет обвинил заявителя в диффамации, утверждая, что его речь подрывала профессиональную репутацию университета и его ученого совета. Жалоба была подписана ректором университета.

9. Советский районный суд г. Орла изучил устав Орловского университета и его положения о процедуре избрания ученого совета, заслушал устные показания свидетелей. Четверо свидетелей сообщили, что кафедра физики не проводила заседания по избранию делегатов на собрание и не выдвигала кандидатов в ученый совет, поскольку выдвижение делегатов и кандидатов происходило на встрече руководителей структурных подразделений. Сотрудники были уведомлены о встрече за несколько дней до этого, и любой мог там присутствовать.

10. Решением от 27 февраля 2007 г. Советский районный суд признал заявителя виновным в диффамации в отношении Орловского университета и его ученого совета.

Согласно решению заявитель "публично обвинил [их] в нарушении применимых положений [и] совершении бесчестного поступка". Он также постановил следующее:

"Суд не может согласиться с доводом ответчика о том, что заявления [которые он] распространял на собрании, были выражением мнения. Эти заявления были сделаны в утвердительной форме, что видно из протокола собрания от 26 декабря 2006 г., аудиозаписи собрания и из показаний свидетелей. Свидетели К. и Ш., присутствовавшие на собрании 26 декабря 2006 г., пояснили, что они поняли высказывания как утверждение, которое произвело на них негативное впечатление..."

Каждое юридическое лицо имеет право требовать, чтобы общественная оценка его деятельности отражала реальное состояние дел. Любая отрицательная оценка деятельности юридического лица влияет на его репутацию и подрывает ее. Деятельность юридического лица может быть потенциально успешной только, если его деловая репутация в глазах других организаций и рядовых граждан поддерживается на определенном уровне, особенно в условиях рыночной экономики".

11. Районный суд присудил Орловскому университету 20 000 рублей в качестве компенсации ущерба и 2 000 рублей в качестве компенсации судебных расходов и распорядился о том, чтобы заявитель зачитал опровержение на следующем собрании университета.

12. Заявитель составил кассационную жалобу, ссылаясь, в частности, на [статью 10](#) Конвенции. Он также отметил, что присужденная сумма в части компенсации ущерба превышала его месячную зарплату.

13. 11 апреля 2007 г. Орловский областной суд оставил в силе решение районного суда по существу, однако частично изменил его. Во-первых, он решил, что фразы: "Все они могут быть обжалованы в судах... Любая дискриминация - это форма войны, вы объявили войну людям, и рано или поздно вы получите итоги этой войны в той или иной мере, в своих семьях", - не содержат высказываний об истце и, следовательно, не могут вредить его репутации. Во-вторых, он отметил, что фраза "никто не выдвигал этих кандидатов [в структурных подразделениях]" в действительности была правдой, поскольку кандидаты были выдвинуты на встрече руководителей структурных подразделений. В-третьих, Орловский областной суд счел целесообразным, что резолютивная часть решения районного суда будет оглашена на следующем собрании ректором, а не заявителем. Наконец, он предложил более детальную характеристику спорных фраз как сообщений о фактах:

"В речи Харламова содержались сообщения о фактах: избранный ученый совет не может считаться легитимным органом, и все его решения нелегитимны аналогичным образом, другими словами, ученый совет был избран незаконно, и его решения являются незаконными. Это поддающееся проверке утверждение. Соответственно, эта информация не является субъективным мнением ответчика, а утверждением о факте".

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

A. КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

14. [Статья 29](#) Конституции Российской Федерации гарантирует свободу мысли и слова, а также свободу массовой информации.

B. ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

15. [Статья 152](#) Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) предусматривает, что гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Потерпевший может

также требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных распространением этих сведений.

С. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 24 ФЕВРАЛЯ 2005 г. N 3 <1>

<1> Имеется в виду [Постановление](#) Пленума Верховного Суда Российской Федерации "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц" (примеч. редактора).

16. В [Постановлении](#) Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. N 3 судам указывалось на необходимость разграничивать утверждения о факте, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке [статьи 152 ГК РФ](#), поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности (см. [§ 15](#) настоящего Постановления).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ [СТАТЬИ 10](#) КОНВЕНЦИИ

17. Заявитель жаловался на основании [статьи 10](#) Конвенции на нарушение его права на свободу выражения мнения в связи с разбирательством о диффамации, инициированным против него Орловским университетом. [Статья 10](#) Конвенции предусматривает следующее:

"1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия".

A. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ

18. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении [подпункта "а" пункта 3 статьи 35](#) Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

B. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

19. Власти Российской Федерации признали, что решения внутригосударственных судов составляли вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения. Это

вмешательство имело правовую основу в [статье 152](#) ГК РФ и преследовало законную цель защиты репутации других лиц.

20. Как утверждали власти Российской Федерации, районный суд провел различие между оценочными суждениями и сообщениями о фактах. Таким образом, он верно расценил заявление о "нелегитимности" ученого совета заявителя как сообщение о факте, поскольку оно составляло утверждение о том, что состав ученого совета был избран в нарушение применимых положений. Они далее настаивали, что выборы ученого совета проходили в полном соответствии с внутренними положениями университета и заявитель не имел фактических оснований для оспариваемых заявлений.

21. Заявитель утверждал, что вмешательство было незаконным, поскольку его утверждения не попадали под действие [статьи 152](#) ГК РФ (см. [§ 15](#) настоящего Постановления). Он считал, что его речь на собрании 26 декабря 2006 г. была выражением его личного мнения, а не "распространением сведений", как это предусматривает указанное положение ГК РФ.

22. Он далее полагал, что оспариваемое утверждение было лишь выражением его личного мнения, основанного на фактах, известных ему о выдвижении кандидатов на избрание в ученый совет. Принимая решение по делу о диффамации, районный суд не провел различия между сообщением о факте и оценочным суждением, и проигнорировал показания четверых свидетелей со стороны заявителя (см. [§ 9](#) настоящего Постановления).

2. Мнение Европейского Суда

23. Сторонами не оспаривалось, что решение районного суда по делу о защите чести и достоинства составляло вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения, гарантированное [пунктом 1 статьи 10](#) Конвенции.

24. Власти Российской Федерации утверждали, что вмешательство имело законную основу, но заявитель не согласился с этим. Европейский Суд отмечает, что внутригосударственные суды руководствовались [статьей 152](#) ГК РФ, что позволило потерпевшей стороне обратиться за судебной защитой своей репутации и требовать компенсации морального ущерба, и [Постановлением](#) Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое предоставило авторитетное руководство для судов, рассматривающих жалобы на клевету. Европейский Суд, таким образом, заключает, что вмешательство было "необходимо в демократическом обществе" в значении [пункта 2 статьи 10](#) Конвенции.

25. Возвращаясь к вопросу о том, преследовало ли вмешательство законную цель, Европейский Суд напоминает, что мера запрета заявлений, критикующих действия или бездействие выборного органа, может быть обоснована ссылкой на "защиту прав и репутации других лиц" только при исключительных обстоятельствах (см. [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Ломбардо и другие против Мальты" (Lombardo and Others v. Malta) от 24 апреля 2007 г., жалоба N 7333/06, § 50). В настоящем деле Европейский Суд полагает, что данный вопрос более уместно будет рассмотреть при анализе соразмерности вмешательства.

26. Тест необходимости обязывает Европейский Суд определить, отвечало ли вмешательство "неотложной общественной потребности", было ли оно соразмерно преследуемой законной цели, и были ли мотивы, приведенные в его оправдание внутригосударственными властями, относимыми и достаточными (см. в числе многих примеров [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Лендон, Очаковски-Лоран и Жюли против Франции" (Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France), жалобы N 21279/02 и 36448/02, [§ 45](#), ECHR 2007-IV). При осуществлении надзорной функции задачей Европейского Суда является не подмена внутригосударственных властей, а скорее проверка в свете всех обстоятельств дела соответствия применяемым положениям [Конвенции](#) решений, принимаемых ими в рамках

их свободы усмотрения (см. [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Фон Ганновер против Германии" (N 2) (Von Hannover v. Germany) (N 2), жалобы N 40660/08 и 60641/08, § 105, ECHR 2012, и Постановление Европейского Суда по делу "Йершильд против Дании" (Jersild v. Denmark) от 23 сентября 1994 г., § 31, Series A, N 298).

27. В настоящем деле заявитель выразил свои взгляды на академическом собрании, открытом для всех сотрудников университета. Была установлена гражданская ответственность за его выступление, и, следовательно, оспариваемое вмешательство должно оцениваться в контексте профессиональной среды. Европейский Суд ранее отмечал, что сотрудники имеют перед своим работодателем обязанность лояльности, сдержанности и свободы осмотрительности (см., например, Постановление Европейского Суда по делу "Кудешкина против Российской Федерации" (Kudeshkina v. Russia) от 26 февраля 2009 г., жалоба N 29492/05, § 85 <1>, и [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Хейниш против Германии" (Heinisch v. Germany), жалоба N 28274/08, § 64, ECHR 2011 (извлечения)) и что при установлении справедливого равновесия должны быть учтены пределы права на свободу выражения мнения и взаимные права и обязанности, характерные для профессиональной среды (см. [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Паломо Санчес и другие против Испании" (Palomo Sanchez and Others v. Spain), жалобы N 28955/06, 28957/06, 28959/06 и 28964/06, § 74, ECHR 2011). В то же время Европейский Суд не упускает из виду академический контекст дискуссии. Принцип открытого обсуждения вопросов, представляющих профессиональный интерес, таким образом, должен рассматриваться как элемент более широкого понятия академической автономии, которая охватывает свободу выражать свое мнение об учреждении или системе, являющихся местом работы (см. [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Мустафа Эрдоган и другие против Турции" (Mustafa Erdogan and Others v. Turkey) от 27 мая 2014 г., жалобы N 346/04 и 39779/04, § 40, и [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Соргуч против Турции" (Sorguc v. Turkey) от 23 июня 2009 г., жалоба N 17089/03, § 35). Следовательно, Европейский Суд должен рассмотреть вмешательство в свете всего дела, включая характер утверждений, сделанных заявителем, в профессиональном и академическом контексте этих утверждений (см. упоминавшееся выше [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Паломо Санчес и другие против Испании", § 70, и [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Лингенс против Австрии" (Lingens v. Austria) от 8 июля 1986 г., § 40, Series A, N 103).

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. N 5 (примеч. редактора).

28. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что речь заявителя касалась вопроса профессионального характера, а именно непрозрачности избрания ученого совета. Избрание руководящих органов университета и порядок выдвижения кандидатов на выборы имеют важнейшее значение для сотрудников университета, и дискуссии вокруг этих вопросов на общеуниверситетском собрании являются составной частью организации академической жизни и самоуправления. Дискуссия была, следовательно, не сугубо личной. Наоборот, она являлась общественной, и вопрос, затронутый заявителем, представлял собой всеобщий интерес, который заявитель был вправе довести до сведения своих коллег (см. упоминавшееся выше [Постановление](#) Большой Палаты Европейского Суда по делу "Паломо Санчес и другие против Испании", § 72, Постановление Европейского Суда по делу "Рубинс против Латвии" (Rubins v. Latvia) от 13 января 2015 г., жалоба N 79040/12, §§ 84, 85, Постановление Европейского Суда по делу "Болдя против Румынии" (Boldea v. Romania) от 15 февраля 2007 г., жалоба N 19997/02, § 57).

29. Согласно прецедентной практике Европейского Суда [пункт 2 статьи 10](#) Конвенции предоставляет мало возможностей для ограничения дебатов по вопросам,

представляющим всеобщий интерес, и необходимы крайне убедительные причины для оправдания таких ограничений (см. среди последних примеров Постановление Европейского Суда по делу "Красуля против Российской Федерации" (Krasulya v. Russia) от 22 февраля 2007 г., жалоба N 12365/03, § 38, с последующими ссылками <1>). В настоящем деле отсутствуют данные о том, что внутригосударственные суды осуществляли сравнительную оценку необходимости защиты репутации университета и права заявителя на распространение информации по вопросам, представляющим всеобщий интерес в части организации академической деятельности. Они только ограничили свое рассмотрение обсуждением ущерба репутации истца (см. § 10 настоящего Постановления) без какого-либо должного рассмотрения стандартов Конвенции, описанных выше. Также внутригосударственные суды не рассматривали, что "достоинство" учреждения нельзя приравнивать к частным лицам. Европейский Суд полагает, что защита администрации университета является лишь институциональным интересом университета, то есть имеет необязательно ту же значимость, как при "защите репутации или прав других лиц" в значении пункта 2 статьи 10 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Уй против Венгрии" (Uj v. Hungary) от 19 июля 2011 г., жалоба N 23954/10, § 22). Европейский Суд, следовательно, приходит к выводу, что суды Российской Федерации оставили без внимания особенности академических отношений и не признали, что настоящее дело затрагивало конфликт между правом на свободу выражения мнения и защитой репутации (см. Постановление Европейского Суда по делу "Дюндин против Российской Федерации" (Dyundin v. Russia) от 14 октября 2008 г., жалоба N 37406/03 <2>, § 33).

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2008. N 7 (примеч. редактора).

<2> См.: там же. 2009. N 8 (примеч. редактора).

30. Возвращаясь к содержанию речи заявителя, Европейский Суд повторяет, что необходимо проводить различие между сообщениями о факте, поддающимися проверке доказательствами, и оценочными суждениями. Существование фактов можно продемонстрировать, в то время как оценочные суждения доказыванию не подлежат (см. Постановление Европейского Суда по делу "Де Хаэс и Гийселс против Бельгии" (De Haes and Gijssels v. Belgium) от 24 февраля 1997 г., § 42 <3>, Reports of Judgments and Decisions 1997-I, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Лингенс против Австрии", N 103). Классификация утверждений как сообщений о фактах или оценочных суждений является вопросом, который в первую очередь попадает в пределы усмотрения внутригосударственных властей, в частности, в судах. Однако даже если заявление является оценочным суждением, необходимо наличие достаточных фактических оснований для его доказывания, в противном случае оно будет чрезмерным (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Педерсен и Ваадсгаард против Дании" (Pedersen and Vaadsgaard v. Denmark), жалоба N 49017/99, § 76, ECHR 2004-XI).

<3> См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. N 4 (примеч. редактора).

31. В настоящем деле внутригосударственные суды установили, что суждение заявителя не соответствовало действительности и что он не смог исполнить бремя доказывания, наложенное на него. Суды сосредоточили свое внимание на описании заявителем избрания в ученый совет как "нелегитимного" и решили в силу имеющихся доказательств, что избрание ученого совета было проведено в полном соответствии с действующими положениями (см. § 13 настоящего Постановления). Европейский Суд

отмечает прежде всего, что содержанием выступления заявителя было его сильное недовольство формой избрания ученого совета. Стремясь привлечь внимание своих коллег к недостаткам в процедуре избрания, заявитель утверждал, что руководителям структурных подразделений не удалось инициировать общественное обсуждение, и отмечал, что избрание прошло "в нарушение прав преподавателей", поскольку кандидаты были назначены непосредственно руководителями структурных подразделений. Заявитель тем самым выразил свое личное мнение по вопросу, представляющему общественный интерес для сотрудников университета, в то время как внутригосударственные суды сочли субъективную оценку заявителя о порядке избрания фактическим обвинением (см. сходную формулировку в Постановлении Европейского Суда по делу "Пинту Пиньейру Маркиш против Португалии" (Pinto Pinheiro Marques v. Portugal) от 22 января 2015 г., жалоба N 26671/09, § 43). В свою защиту заявитель сослался на заявления четырех коллег-преподавателей, заслушанных районным судом. Они подтвердили объяснение заявителя о том, что не были проведены собрания в подразделениях университета и что ни один из кандидатов не был выдвинут открытым голосованием простым большинством голосов (см. § 6 настоящего Постановления). Европейский Суд считает, что вызовом этих четырех свидетелей для дачи показаний в районном суде заявителю удалось доказать, что оспариваемое оценочное суждение имело достаточное фактическое обоснование и что ситуация, описанная свидетелями, а именно отсутствие открытого обсуждения кандидатов на избрание в ученый совет, могла побудить его высказаться так. В этой связи Европейский Суд считает неактуальным аргумент властей Российской Федерации о формальном соблюдении процедуры выборов в соответствии с уставом университета. Заявитель основывал свое мнение о "нелегитимности" ученого совета на собственной оценке фактов, которые могут быть точными или нет (см. [Постановление](#) Европейского Суда по делу "Броза против Германии" (Brosa v. Germany) от 17 апреля 2014 г., жалоба N 5709/09, § 45) и исполнил обязанность подкрепить свое заявление доказательствами.

32. Европейский Суд отмечает, что заявитель был вынужден прибегнуть к определенному преувеличению в его адрес. В то же время сотрудники, участвуя в дебатах, представляющих общественный интерес, имеют право прибегать к преувеличениям, пока они не переступают границы допустимой критики (см. [mutatis mutandis <1> Постановление](#) Европейского Суда по делу "Веллутини и Мишель против Франции" (Vellutini and Michel v. France) от 6 октября 2011 г., жалоба N 32820/09, § 39). Европейский Суд считает, что заявитель не прибегал к оскорбительным и несдержанным выражениям и не вышел за рамки обычно приемлемой меры преувеличения.

<1> Mutatis mutandis (лат.) - с соответствующими изменениями (примеч. переводчика).

33. В заключение Европейский Суд находит, что внутригосударственные суды не смогли установить справедливое равновесие между соответствующими интересами и определить "крайнюю общественную необходимость", чтобы поставить защиту репутации истца выше права заявителя на свободу выражения мнения. Таким образом, Европейский Суд полагает, что внутригосударственные суды вышли за узкие рамки свободы усмотрения, которой они располагают в сфере ограничений дискуссий, представляющих всеобщий интерес, и что вмешательство "не было необходимым в демократическом обществе".

34. Следовательно, по делу было допущено нарушение [статьи 10](#) Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ [СТАТЬИ 41](#) КОНВЕНЦИИ

35. [Статья 41](#) Конвенции гласит:

"Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение [Конвенции](#) или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. УЩЕРБ

36. Заявитель требовал 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

37. Власти Российской Федерации утверждали, что это требование являлось чрезмерным и не подкреплялось доказательствами испытанных заявителем страданий.

38. Европейский Суд полагает, что заявителю был причинен моральный вред в результате вынесения внутригосударственных судебных решений, несовместимых с конвенционными принципами. Достаточной компенсацией такого вреда не может быть признано установление факта нарушения [Конвенции](#). Оценивая указанные обстоятельства на справедливой основе, Европейский Суд присуждает заявителю 7 500 евро, а также любой налог, подлежащий начислению на указанную сумму.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

39. Заявитель не требовал возмещения судебных расходов и издержек. Соответственно, Европейский Суд не присуждает каких-либо сумм по данному основанию.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

40. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

- 1) объявил жалобу приемлемой для рассмотрения по существу;
- 2) постановил, что имело место нарушение [статьи 10](#) Конвенции;
- 3) постановил, что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с [пунктом 2 статьи 44](#) Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, который будет установлен на день выплаты:

(i) 7 500 евро (семь тысяч пятьсот евро) в качестве компенсации морального вреда;

(ii) любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявителя в связи с указанной выше суммой;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эту сумму должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

4) отклонил оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 8 октября 2015 г. в соответствии с [пунктами 2 и 3 правила 77](#) Регламента Суда.

Председатель

В соответствии с [пунктом 2 статьи 45](#) Конвенции и [пунктом 2 правила 74](#) Регламента Суда к Постановлению прилагается совпадающее особое мнение судьи Дмитрия Дедова.

СОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДМИТРИЯ ДЕДОВА

1. С моей точки зрения, настоящее дело предоставляет исключительную возможность для Европейского Суда и внутригосударственных судов обогатить и развить свою прецедентную практику по делам о диффамации. Причина, почему я считаю необходимым изложить особое мнение, заключается в том, что в делах о диффамации Европейский Суд и внутригосударственные суды принимают совершенно различные подходы к правовой оценке одной и той же ситуации с применением той же методологии. Кроме того, позиция Европейского Суда (выраженная в общих и даже расплывчатых понятиях) не объясняет или не пытается объяснить, почему внутригосударственные суды приняли неверное решение.

2. Дело в том, что судьи в Российской Федерации очень хорошо понимают разницу между сообщениями о фактах и оценочными суждениями. Они также знают, что оценочные суждения должны быть основаны, по крайней мере, до некоторой степени, на фактических обстоятельствах: "даже если заявление составляет оценочное суждение, соразмерность вмешательства может зависеть от того, существуют ли достаточные фактические основания для оспариваемого заявления, поскольку даже оценочное суждение без какой-либо фактической основы для его поддержки может быть чрезмерным" (см. Постановление Европейского Суда по делу "Ерузалем против Австрии" (Jerusalem v. Austria), жалоба N 26958/95, § 43, ECHR 2001-II, среди российских дел, например, Постановление Европейского Суда по делу "Новая газета в Воронеже" против Российской Федерации" (Novaya Gazeta v Voronezhe v. Russia) от 21 декабря 2010 г., жалоба N 27570/03 [<1>](#), § 38). И Европейский Суд, и внутригосударственные суды ссылаются на [Постановление](#) Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. N 3, которое является основным источником для судов по материальным и процессуальным аспектам дел о диффамации и опирается на [Конвенцию](#) и имплементацию прецедентной практики Европейского Суда.

[<1>](#) См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. N 11 (примеч. редактора).

3. Возвращаясь к применению процедуры избрания, рассмотренной судами Российской Федерации в контексте внутригосударственного разбирательства о диффамации, суды признали, что избрание было организовано в соответствии с этими правилами. Суды пришли к выводу, что согласно Положению об избрании ученого совета Орловского государственного технического университета только собрания факультетов имеют право выдвигать своих кандидатов в ученый совет и что это право не может быть предоставлено более мелким подразделениям, таким как кафедры на факультетах,

соответственно, кандидатуры не должны были обсуждаться на кафедре физики, где заявитель работал в то время. Я должен упомянуть, что эти правила являются широко распространенными в других университетах России.

Судами было установлено, что собрание факультета электроники и приборостроения обсудило кандидатов и выдвинуло своего кандидата (фактически представителя в ученом совете, как я полагаю), и на кафедре физики не обсуждали кандидатов. Суды пришли к выводу, что заявителю не удалось доказать, что вновь избранный ученый совет был незаконным. Очевидно, что внутригосударственные суды соблюдали международные стандарты в принципе, поэтому не является достаточным, с моей точки зрения, для Палаты Суда установить нарушение [статьи 10](#) Конвенции путем простой ссылки на самоуправление в "академическом" или "профессиональном" контексте или на "действия или бездействие выборного органа" (последний вовсе не был предметом какой-либо критики заявителя) или на "преувеличения, пока они не переступают границы допустимой критики" (см. §§ [25](#) - [27](#) и [33](#) настоящего Постановления). Трудно сказать, что прецедентная практика Европейского Суда, на которую ссылается Палата Суда (в том числе и дело "Паломо Санчес и другие против Испании") может поддержать вывод об установлении нарушения в настоящем деле, поэтому позиция Европейского Суда нуждается в дальнейшем уточнении. Кроме того, я хотел бы объяснить некоторые недостатки во внутригосударственном разбирательстве, которые, на мой взгляд, привели к нарушению [статьи 10](#) Конвенции.

4. Что касается сообщений о фактах и оценочных суждений, Европейский Суд отметил, что "внутригосударственные суды сочли субъективную оценку заявителем порядка избрания фактическим обвинением" (см. § [31](#) настоящего Постановления). Это не была ни просто оценка, ни сообщение о факте. Заявитель сделал вывод о том, что избрание было незаконным, и, следовательно, все решения ученого совета должны быть признаны незаконными. Это было юридическое заключение. Поэтому Орловский областной суд неверно утверждал, что вопрос о легитимности руководящего органа был сообщением о факте, даже если утверждение о том, что ученый совет не может считаться легитимным органом, поддавалось проверке в суде (см. § [13](#) настоящего Постановления). Понятно, что проверка такого мнения включает в себя правовой анализ, а не только установление фактов.

[Пункт 7](#) упомянутого выше Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации предусматривает, что к суждениям, причиняющим вред чести, достоинству или деловой репутации, относятся суждения о нарушении законодательства или совершении нечестных или неэтичных поступков. На мой взгляд, эта позиция справедлива в отношении тех нарушений законодательства, которые могли бы рассматриваться как нечестные или неэтичные действия. Недостатки процедуры избрания сами по себе не могут считаться нечестными или неэтичными, поэтому внутригосударственные суды должны были отклонить жалобу университета по поводу диффамации.

Районный суд подчеркнул, однако, что заявитель обвинил новоизбранный ученый совет в нечестных поступках. Это была еще одна ошибка. Можно сделать вывод о том, что заявитель фактически обвинил руководство университета о превращении общественных выборов в личное дело. Я предполагаю, что руководство, а не сам университет вынуждено было довести дело до суда. Данное положение соответствует принципам корпоративного права, согласно которому конфликт может возникнуть между акционерами и руководством, но не между акционерами и компанией. Единственное исключение относится к критике деятельности и результатов деятельности организации в целом. Заявитель не упоминал ничьих имен, но было ясно, что его сообщение было направлено персонально в отношении тех, кто отвечал за организацию процесса избрания и членов их семей.

Вопрос заключается в том, "преступил" ли заявитель "границы допустимой критики" (см. § [32](#) настоящего Постановления). Можно согласиться с выводом

внутригосударственных судов, если принять во внимание часть [рекомендаций](#), данных Министерством образования Российской Федерации 21 сентября 2006 г. (N 18-02-10/08) о процедуре избрания ректора вуза. Согласно этому документу ученый совет утверждает список кандидатов для избрания на собрании делегатов. Процедура избрания членов ученого совета аналогична [рекомендации](#), поэтому не так просто найти кого-то ответственного лично.

С другой стороны, существуют регулирующие стандарты для вузов, утвержденные Правительством Российской Федерации 14 февраля 2008 г., с изменениями от 2 ноября 2013 г. (Постановление N 71), которые предусматривают в пункте 57, что ученый совет является выборным представительным органом управления университета, который избирается на общем собрании сотрудников либо на собрании делегатов. Внутренние положения университета определяют нормы представительства, чтобы каждое структурное подразделение могло быть представлено в ученом совете.

Внутренние положения университета позволяют факультетам, а не их подразделениям быть представленными в ученом совете. От каждого факультета допускается лишь один представитель в ученом совете. Правила не наделяют собрания факультетов правом выдвигать кандидатов и явно не препятствуют оценке кандидатов сотрудниками. Также внутренние положения допускают возможность сотрудников выдвигать самих себя для участия в выборах в качестве кандидатов (в соответствии с пунктом 60 Постановления N 71 такая возможность действительно существует, например, в отношении самовыдвижения кандидатов на должность ректора).

Демократические выборы не могут быть эффективными без наличия альтернативных кандидатов. Данный принцип имеет важнейшее значение для оспариваемого избрания канцлера Кембриджского университета в 2011 году, поскольку выборы канцлера впервые были оспорены начиная с 1950 года, и в них впервые велась борьба с 1847 года. Против кандидата, предложенного университетским советом по выдвижению, были выдвинуты трое других кандидатов. На заседании в свою честь лорд Сейнсбери, который победил на выборах, сказал: "Я имею удовольствие и честь быть избранным на пост следующего канцлера Кембриджского университета и хотел бы поблагодарить всех тех, кто поддерживал меня и других кандидатов, которые создали дружелюбную атмосферу выборов. Я особенно рад, что выборы не превратились в битву между гуманитарными и естественными науками или между политическими партиями, и я с нетерпением жду возможности вести университет к успеху в целом в стране и за рубежом в ближайшие годы". Эти слова отражают впечатляющее развитие демократического общества и избирательной культуры.

Возвращаясь к настоящему делу, положения об избрании кажутся противоречивыми: собрание факультета уполномочено обсуждать и выдвигать своего кандидата/представителя, однако сотрудники должны голосовать за этого кандидата/представителя без каких-либо альтернатив. Подобное различие между выбором из лучших кандидатов на собраниях факультетов и голосованием на собрании сотрудниками в ходе процесса избрания (два последовательных, но равных шага должны быть сделаны различными группами) приводит к выводу, что последующий шаг (голосование) становится бессмысленным и что преподавателей отстраняют от выборов своих представителей.

Поэтому, с моей точки зрения, настоящее дело не может быть рассмотрено без анализа характера оспариваемых отношений в контексте представительной демократии. Этот анализ должны были сделать суды как на международном, так и на внутригосударственном уровне, но им это сделать не удалось.

5. Демократия: согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда свобода выражения мнения составляет одну из существенных основ демократического общества и одно из основных условий его прогресса и самореализации личности. Являясь предметом [пункта 2 статьи 10](#) Конвенции, она распространяется не только на

"информацию" или "идеи", которые благосклонно принимаются или считаются безвредными или нейтральными, но также на оскорбляющие, шокирующие или причиняющие беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и широты взглядов, без которых нет "демократического общества" (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ерузалем против Австрии", § 32).

Европейский Суд предпочел не принимать это положение в качестве основы для своего Постановления. Более того, фраза "тест необходимости", упомянутая в § 26 настоящего Постановления, не имеет стандартного продолжения "в демократическом обществе" (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ерузалем против Австрии", § 33). При этом создается впечатление, что суд предпочел ограничить себя профессиональным и академическим контекстом с целью отделить данную категорию дел о диффамации от "политических", где участвуют журналисты, члены парламента и другие политические деятели.

Я не могу согласиться с подобным подходом. Я считаю, что данное Постановление относится более полно к демократии в профессиональном и академическом контексте. Европейский Суд признал, что заявитель сделал свои заявления по вопросу, представляющему общественный интерес для сотрудников университета (см. § 31 настоящего Постановления), но этого недостаточно, чтобы заключить, что имело место нарушение [Конвенции](#). Правовые нормы Российской Федерации, упоминавшиеся выше, и внутренние нормативные документы университета не запрещают или иным образом не препятствуют сотрудникам обсуждать кандидатов. Однако природа демократического процесса требует такого обсуждения. Члены ученого совета являются представителями своих подразделений, а альтернативные кандидаты отсутствовали на собрании. Это означает, что надлежащие выборы должны быть организованы на уровне факультета. Этот уровень должен предусматривать участие всех сотрудников, в противном случае избирательный процесс фактически заменяется назначением, и сотрудники исключены из избирательного процесса в соответствии с уставом университета (и потенциально других вузов России). Руководители подразделений не получают автоматического права выступать от имени своих сотрудников на собрании факультета по вопросу представительного органа университета.

Таким образом, заявитель затронул вопрос об избирательных правах, и руководство университета отреагировало неадекватно в форме жалобы на диффамацию вместо того, чтобы организовать общественную дискуссию по этому вопросу на собрании. Во внутригосударственных судах заявитель обязан был не только выплатить компенсацию, но и зачитать опровержение на другом собрании университета, что его утверждения не соответствуют действительности. С моей точки зрения, внутригосударственные судебные решения оказывали негативное или даже унижительное влияние на заявителя.

Я должен отметить, что в соответствии со Сводом рекомендуемых норм при проведении выборов (Руководящие принципы и пояснительный доклад, принятые Венецианской комиссией на 52-й сессии 18-19 октября 2002 г.) всеобщее избирательное право означает в принципе, что все люди имеют право голосовать и выдвигать свои кандидатуры на выборах. Наиболее тщательная проверка со стороны суда требуется, когда, как в настоящем деле, принятые меры или санкции, наложенные на лицо внутригосударственным органом, способны не допустить его участия в дискуссиях по вопросам правомерной обеспокоенности общественности (см. Постановление Европейского Суда по делу "Йершилд против Дании" (*Jersild v. Denmark*) от 23 сентября 1994 г., § 35, Series A, N 298). Это означает, что [Конвенция](#) по своей сути защищает демократические принципы посредством свободы выражения мнения, применимой к любой организации. Важно, что демократия начинается намного раньше, чем парламентские выборы, она начинается на уровне местных муниципалитетов, объединений и организаций. Я считаю, что защита представительной демократии должна превалировать над автономией таких организаций, как университет, который пользуется

определенной мерой автономии в рамках законодательства Российской Федерации в отношении его самоуправления.

В дополнение к указанному выше я делаю вывод, что внутригосударственные суды и руководство университета продемонстрировали явное отсутствие настоящей заинтересованности в борьбе с недостатками в процессе избрания в ученый совет. Наоборот, они всячески старались доказать, что нет какой-либо проблемы с демократией. Такое восприятие демократии должно быть усовершенствовано в целях защиты человеческого достоинства и обеспечения прогресса общества.

Мой анализ является довольно подробным, но ценности [Конвенции](#) не могут быть защищены путем простой ссылки на важность общественной дискуссии без определения тех ценностей, которые могут рассматриваться как вопросы общего интереса и предмет публичного обсуждения. Для этих целей Европейский Суд провел очень подробный анализ в [Постановлении](#) "Фон Ганновер против Германии" (N 2) (Von Hannover v. Germany) (N 2) и заключил в § 124, что "внутригосударственные суды тщательно установили равновесие между правами издательских компаний на свободу выражения мнения и правами заявителей на уважение их личной жизни. Поступая подобным образом, они придали фундаментальное значение вопросу, привели ли фотографии, рассматриваемые в контексте сопутствующих статей, к дискуссии, представляющей общий интерес".

В настоящем деле внутригосударственные суды после детального анализа фактов и законодательства установили, что отсутствует общий интерес или предмет публичного обсуждения. Простой ссылки на недовольство заявителя нарушением прав преподавателей, с моей точки зрения, недостаточно для опровержения выводов внутригосударственных судов.
